МИЯСАТ МУСЛИМОВА

Диалоги с Данте

18+

Миясат Муслимова

Диалоги с Данте

https://litres.ru/74771792
SelfPub; 2026

Аннотация

В книгу вошли стихи, написанные по картинам Нико Пиросмани, получившие широкую известность по своим высоким художественным достоинствам. Тема современного Кавказа, лирико -философские раздумья о судьбе Дагестана и Кавказа в целом- основная тема включенных в книгу произведений. Поэт затрагивает самые актуальные животрепещущие проблемы и умеет сказать о них глубоко, художественно убедительно, воздействующие. В поэме "Диалоги с Данте", одном из ярчайших произведений современной русскоязычной литературы, автор обращается к автору "Божественной комедии", чтобы вступить в диалог о судьбе Кавказа и вызовах нового времени. Книга удостоена Государственной премии Республики Дагестан в области литературы.

Содержание

Николо Пиросмани	22
Шамиръ са свего карауломъ	25
Он только во сне золотистый	27
Да здравствует хлебосольный человек	30
Мимо белого духана	34
Ты - самое большое чудо Божье	37
Четыре лилии на черном	40
Я в три цвета люблю	43
Восхождение	45
Прощание с оленем	48
Возвращение Оленя	51
Старцы	85
Ты ищешь царевну Будур?	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Миясат Муслимова
Диалоги с Данте

О, моя усталая родина…

Еще никогда я не была так беспомощна перед белым листом бумаги. Мне предстоит ввести читателя в мир поэзии Мариян Шейховой, но всякая попытка рецензента быть вровень с самим автором в этом случае обречена на провал. Ее поэзия – распаханное болью поле. Здесь безысходность и надежда, обличение и сострадание, восторг и нежность. Сила строк поэта равна величию Кавказа, и это не ложный пафос, а констатация. «Понять горы можно только став вровень с ними» – написала Мариян. Имеет ли право на такую высокую планку женщина? Поэт Мариян Шейхова осилила большее: она поднялась над вершинами своей родины и там в чистом, разряженном пространстве ее голос обрел такой диапазон звучания, что не услышать его невозможно. Сам поэтический текст мощнее всяких слов о нем. Мне остается только укрыться за строчками ее стихов и собрать воедино все реакции на них в интернете, потому что там у Мариян Шейховой давно уже есть своя аудитория. Ей пишут самые разные люди из множества стран и городов, ожидая новых строк поэта, и с благодарным восхищением постигают другой Кавказ. В этом свободном от указующего перста интернет - пространстве Мариян для них как проводник в мир Кавказа, в

его бунтующую энергию, в его правду и растерянность, в его живую плоть. Там она создала кавказский дом для всех, готов понять его хозяев. Через Дагестан мостит Мариян путь ко всему Кавказу. В этом доме оживают камни родины, вещие горы, *«пчелиные соты в засохшем меду на ветру рассыпаются пылью», «сакли лепные дремлют в ладонях вершин», «скалы клубятся былью», «травами лечит ветер морщины глубоких лощин».* В этом доме *«аулов лакских имена стучатся памятью былинной, в них жажда выси и огня и мука доблести старинной».* «Все это жаждет воплотиться, все силится вспомнить, вопия к небу: жизнь без памяти – пыль», - напишет Мариян Владимир Мялин из Москвы. *«Горы, горы… Они юдоль и ГОРдости высокой, и немалого ГОРя, но как же держат Ваши стихи»,* - отзовется из Израиля Яков Рабинер.

В этом кавказском доме голос крови, голос родины преодолевает любые границы, ибо гармония духа и слова есть высшая форма общения. Ну кто же может не принять эти строки:

На каменных трезубцах Турчидага струится сок гранатовых рассветов,

Упругий день взбирается по кручам, чтобы спустить с вершины облака.

У каждого есть какие-то особые признаки своей малой родины, ее символы, впитанные с детства. Их много у Мариян, и среди них – камни ее родины, *«разбросанные там, где нет*

запретов». Они - память о прошлом, хранители разрушенного очага и мудрости гор, они ее молчаливые собеседники.

Ваше молчание напоминает мне надгробные плиты
на старинных кладбищах лакцев,
оставивших мне в наследство
искусство резьбы на клинописи ветра,
искусство насечки на серебре стали
и тайну слезы, запертой в темнице глазниц.

Кладки речного камня родины рождают поэзию, сохраняющую красоту исчезающих миров. Эти миры исчезают так незаметно, что мы не успеваем даже зафиксировать их тихий уход. Как и у Маркеса, у каждого есть свое Макондо - малая родина, об угасании которой с такой грустью он поведал миру. Для Мариян Шейховой это родное село Убра, волшебная крыша дома, где *«мама в кувшине день с молоком взбивала. Желтое масло в лощины густо стекало».*

Старый Сурхай за оградой землю костями греет,
Кладкой речного камня сакля глядится в Койсу.
Это твое Макондо в чреве у времени зреет,
Чтобы кормить тобою памяти пыль и тоску.

«Я когда читаю о мире малом твоем, просто вижу его. Просто понимаю душой, что он есть, и мне от этого тепло. Ты закрываешь своими ладонями дух предков от скверны, как пламя свечи от ветра. *«И рукопись Муххамеда Убри, и кладбище, заброшенное в небо громадой гор, хранящих свет зари»,*- так откликнется на эти стихи Анна Черно из Росто-

ва. Маленькая Лакия расширилась до вселенских масштабов – так щедро поделилась ею Мариян в своих пейзажно-психологических зарисовках. Малая родина возвысилась крепостью своей традиции над иллюзорным миром сегодняшнего бытия, где люди утратили свои обязательства друг перед другом. «На этом высохло перо» - еще совсем недавно этой былинной фразой скрепляли общественный договор. И в ней было больше ответственности, чем в подписях нынешних политиков.

«На этом высохло перо». – Старинный акт закроет тяжбу.

Арабской вязью крепит предок времен тончайшие пласты.

Неторопливость слов старейшин, седая стать кавказских кряжей

Смирили распри навсегда меж Шангода и меж Бухты.

Но дом кавказской традиции был разрушен. На его пепелище возник новый, который тоже снесло ветром истории. Дом, который мы строим сегодня, *«враждой и страхом изувечен – в нем веру и любовь скрепляют плетью», «растут раздорами мечети», «ни мира, ни войны: волкам в угоду люди. В угоду лисам – нравы, бесам – судьи. Ни покаянья, ни вины - душа горит, не грея…»*

В свой дом зову великих и прошу

Ответа, чтоб родина моя не стала адом -

Я ею, как святыней, дорожу -

Как сохранить дух доблести Кавказа,

И честь его седин, и воинство наказов?
Я боль его сынов в груди ношу.

***

Об этой кавказской драме - цикл **«Диалоги с Данте»,** самый сильный из всего, что написано поэтом. Мариян Шейхова здесь в роли Виргилия. Она – проводник в бездну, где упокоено прошлое Кавказа и уготовано место его новейшей истории, в которой уже трудно различить, *«где доблесть, где вина»*, и «*кто народ над пропастью поставил»*.

Будь проклята сыновняя орда,
Что мать свою сдала на поруганье.
…
Ваш дом во тьме. Объявлена война
Селеньям, памяти, истории родной.
Кто матерью рожден, не будет безучастен
К судьбе земли своей – но каждый к злу причастен.
Кавказский дом разрушит не чужой.

Стихи этого цикла звучат, как фуги Баха. (Не Моцарт, автор «Реквиема», не элегический Шопен, не жизнерадостный Штраус, не мрачный Вагнер, хотя все они вместе соединились в поэзии Мариян Шейховой). А именно органный Бах созвучен ей по тональности и полифонии, потому что соло Мариян – многозвучно. Да и нет в нашей кавказской традиционной культуре адекватного ее голосу инструмента. Раз-

ве что печальный и задумчивый дудук, но геополитика расписывает для Кавказа такую партитуру, что нашим зурне и барабану не осилить. Не готова наша традиция к таким вызовам. В нюансировке этой партитуры предстоит разбираться следующим поколениям. Мы здесь бессильны, потому что близость событий ослепляет, рождая сиюминутные оценки. Но долг наш – подготовить почву для осмысления, сформулировав самые важные вопросы дня сегодняшнего. О, сколько их в поэзии Мариян Шейховой – жестких, прямых, безжалостных и разоблачающих уже самой постановкой вопроса: *«И сколько еще будет пролито крови, И сколько на брата поднимется рук?»*.

Кавказ сегодня – земля войны! За что сражаемся? Против кого? Раньше было ясно: за свободу, за отчий дом. А сегодня? Кто вздыбил эту землю? Кто осмелился *«тронуть рукою ее впалую грудь и зияние вырванных дней? Кто втоптал ее косы в песок и кровавой строкою Пишет черную книгу безумья и смерти ее сыновей?»*

«Наверное, в наше время это и есть мужество – задать самые трудные, больные вопросы, не надеясь получить ответ. Достойно эпоса и достойно земли Кавказа: «*Кто вернет ей могущество духа, честь и славу отцов, о братстве завет и приказ? Глухо ропщет суровая быль и доносит до слуха Прометеево имя в горах и священное слово «Кавказ».* И все же вы недаром помните об огне Прометея. Хорошо, что он возник в конце», - напишет Галит из Израиля.

«И снова Кавказ. И снова боль. Видно, это судьба и любовь на все времена от рождения до тризны. Господи! Спаси и благослови этот край!» Мила Светлова.

«Кровь и честь, вера и мужество. И над ними – память, память, память. Тот Кавказ, который никогда не уйдет». Катерина Канаки, Греция.

«А я верю, что могущество духа Кавказа вернется. И голос настоящей Вашей поэзии поет ему славу. Такие, как Вы, возвращают ему честь. Столько в его истории величия, и величия в природе его, красоты в известных миру сынах и дочерях, что с любовью желаешь выздоровления». Ирина Безрукова, Приморье.

«В моих глазах у Кавказа – твое лицо. Я верю вместе с тобой – если у Кавказа есть такие дочери, то будут у Кавказа и здоровые дети. Ты не молчишь, ты противостоишь уничтожению доброго имени Кавказа…Ты упорно даешь импульсы к новому мышлению, к переосмыслению и осознанию. Ты взываешь голосом земли прародителей ко всем, кто способен слышать. Я желала бы, чтобы твой голос услышали и те, кто не желает». Лолитта Новак, Германия.

Сколько их, этих посланий солидарности, сочувствия и восхищения на сайте Мариян Шейховой! Они – свидетельство того, что может один человек, если свою родину, свою боль и тревогу вписывает во вселенский масштаб, избегая обособленности, «эксклюзивности» национальных проблем. И тогда чья-то локальная боль становится всеобщей. «Го-

речь, боль, скорбь, тревога – симфония звучащей Поэзии. Я нахожу в ней звуки души своей», - откликнется Рута Марьяш из Латвии, а на стихи Мариян «Здесь в ад никто не сходит, - в нем живут» Галина Докса из Петербурга напишет: «Грозные, бунтующие строки. При чтении их сжимаются кулаки»

Эти отклики – ответ на наши долгие попытки создания привлекательного имиджа Кавказа: пока идут кондовые мысли, мертвые проекты. А ведь ничего не может быть плодотворнее в этом смысле, чем общее культурное пространство. Политики лишь конструируют эпоху, люди культуры фиксируют ее, связывая события в пространстве и времени. Через их творчество прошлое подпитывает настоящее, и вместе они указуют ориентир будущему. «Распалась связь времен, и в этот мир заброшен я, чтоб все восстановить», - так Шекспир устами Гамлета определил роль личности в истории культуры.

Молчание кавказской культуры затянулось. Слово и образ больше не формируют реальность, инициативу создания смыслов и ценностей перехватило оружие. Слепые ведут слепых. Опасно пускаться в путь по горной дороге, не зная, куда она приведет. В конце ее может ждать пропасть. Проторенные предками тропы заросли, новые не проложены. Определение маршрута невозможно без Духа поиска. На его пробуждение почти не осталось времени. *Уже «нет родины для тех, кто в ней рожден, И тот, кто полон сил, ума, стремлений, Искать чужбины будет обречен», «нет юношам до-*

рог и множество сетей грозит цветенью новых поколений Отчизна».

О, где укроют матери детей,
Когда их здесь уводят на закланье,
А там готовят к тяжким испытаньям,
За то что речь чужда и цвет волос темней?

Прости, Кавказ, за то, что скорбью ада
Наполнился твой дом. Но есть одна отрада:
Дух поиска твоим огнем рожден.

Это даже не поэзия в обычном ее понимании. И слово «лирика» здесь менее всего уместно – оно звучит каким-то бестелесным определением жанра, избранного Мариян Шейховой. Ее «Диалоги с Данте» - скорее философские трактаты и политические памфлеты. «У Ваших стихов совершенно особенное звучание – мощное, насыщенное силой. Впечатление силы Микеланджело - такие монументальность и драматизм образов, трагические ноты Голоса! Вы лепите в читателе новое пространство», - так определит своеобразие цикла в интернет-обсуждении Ирина Безрукова.

«Здесь перемен нет даже и помина. Мельчает дух? – И это не впервой. Все так же к власти страсть неистребима, И так же платят подданным с лихвой Решения бессмертных феодалов: Распродано жнивье и урожай склевало Воронье. – И только воздух мой».

Цикл «Диалоги с Данте» - самый дерзкий замысел Мари-

ян Шейховой, ибо велик риск потеряться рядом с тем, кого провел Виргилий по всем кругам ада. Но кто же еще мог стать ее собеседником в монологах о Кавказе, где «*в ад никто не сходит – в нем живут? Здесь пыткой похищенья и тюрьмой Твердыни гор и реки отравили, Выпрашивают матери с мольбой своих детей и обмывая раны обманутых сынов тоской Корана, как боль земли стоят передо мной*». Анализировать этот цикл почти невозможно – перехватывает дыхание. Имеющий разум и сердце переживет тот же катарсис, что и сам автор. Самое неподвластное объяснению – то, как рождался этот цикл: стремительно, почти день за днем, выстраивались диалоги. Скорость таких мощных эпических выбросов за пределами рационального понимания. Как будто сам Данте водил рукой поэта: тридцать три драматических сюжета, тридцать три диалога, завершившихся последним «Когда Виргилий мне являл воочью», в котором голос был: *«Открой печаль своей земли и дух непобежденный»; «открой скорбь горестной земли, ее заветы»; «и плач младенца слыша за спиной, в стихах отозвалась земле родной»*. И услышали в Израиле, Казахстане, Австралии, Германии, Греции, Чехии, в российских городах. Только Дагестан пока не слышит голос своего Поэта. Воистину нет пророка в своем отечестве. Подлинная боль становится общей. Любовь к своей земле всегда в цене, поэзия вненациональна. Поэтому цикл ошеломил ее постоянных интернет- читателей. «Ваша поэзия – это явление культуры…. Это страница истории

культуры и Кавказа, и всечеловеческой». « «Какая величественная, провидческая поэзия. Такой Кавказ прекрасен – *«органной мощью горы дню внимают, рождая песнь высокого искусства».* «Корни мировой поэзии шумят кроной твоих стихов над родным тебе Кавказом», «Чем твой цикл действительно замечателен – что он не только к Кавказу обращен. И такие ты скорбные вещи говоришь, находя для них не слова-вздохи, а экспрессивные слова - цвета.

Да и только ли о Кавказе стихи Мариян? Время раскололо мир не только по нациям и религиям. В 21 веке плоть победила Дух, цивилизация поглотила культуру, а именно Дух культуры скрепляет человеческую общность. Сумеем ли подняться над своей духовной немощью и разобщенностью? Кто из имеющих разум и сердце не обеспокоен сегодня этим судьбоносным вопросом? В чем найти опору? Как удержаться на плаву народу, если корни подрублены? В этом смысле Кавказ уникален. Истории удалось срубить на его стволе только ветки, сама корневая система мощно вросла в землю. Только поэтому кавказское древо жизни еще зеленеет: оно питается соками традиции, так мощно законсервированной в нашей генетике.

***

Эта живучесть Кавказа, его открытость, настроенность на диалог, как бы это парадоксально сегодня ни звучало, всегда притягивали людей долга и служения. К сожалению, чаще

всего они приходили сюда дорогами войны. По дорогам кавказских войн последних десятилетий прошла Эльвира Горюхина, педагог, журналист, автор книг «Путешествие учительницы на Кавказ» и «Не разделяй нас, Господи, не разделяй!»

Книги Эльвиры были изданы маленьким тиражом. Мариян решила, что человеческий подвиг удивительной русской женщины, ставящей выше всех регалий звание учительницы, и правда о войне должны стать известны как можно большему количеству людей. Так родился цикл **«Путешествие русской учительницы на Кавказ»** как компактное переложение отдельных рассказов Эльвиры формой белого стиха.

«Это моя боль и мой стыд - говоришь ты, - и на седьмом десятке лет идешь странницей по военным дорогам Чечни, Ингушетии, Грузии, Абхазии, Осетии. Идешь к неизвестным и чужим тебе людям, чтобы протянуть руку и сказать: «Здравствуйте. Я с вами». Маленькая русская женщина, учительница русской литературы, ты для меня – символ великой России, ее огромного сердца, ее бескорыстия, ее сострадания, ее терпения, любви и веры. Там, где ослепшая мощь государства пропускает через жернова человеческие судьбы, ты стала прибежищем Бога, скрывающегося от тех, кто его именем на исходе 20 века резал горло своему брату».

Обе книги Эльвиры Горюхиной звучат как покаяние русской женщины за содеянное государством именем ее наро-

да. Русский солдат Саша, принявший ислам в Чечне, *«заговорил о грехах народа, к которому принадлежал. - Вы были когда-нибудь в Самашках?» - спросил меня Саша. – Вам не было стыдно, что вы русская? – Хотя надо отделять действия народа от государства, я сказала: «Да».* А разве нет вины самих кавказских народов за варварство, допущенное на их земле? Конечно, Эльвира понимала это, но нравственная щепетильность не позволила сказать то, что должен был произнести кто-то из самих кавказцев. Лишь однажды она деликатно написала об этом: *«Ощущает ли чеченец свою вину в том, что происходит на протяжении веков с его народом? Спросить об этом невозможно, когда видишь разоренный дом, убитые горем лица. Но блуждая десятилетиями по горячим точкам, я заметила: уровень самосознания отдельной личности много значит для судьбы нации».* Среди ее героев были те, кто понимал, что случившееся есть самоуничтожение. «Покаянные слова на дорогах войны дорого стоят», - пишет она, приводя стихи неизвестного чеченского поэта: *«Как состарившийся волк, облезла ты, Чечня. Как заброшенный участок земли, заросла ты. Взрывами и орудиями разрушена ты, Чечня. Обманом и клятвопреступлением поражена ты. Когда на земле делили честь - тебе досталась война, Когда делили море учености - тебе досталась шашка. Напугав собой весь мир, ты всем стала кровником. Пока молилась на волков, сама одичала…» Это лишь малая часть подстрочника.*

Один из интернет - откликов заставил Мариян изменить первоначальный замысел. Русская женщина из Москвы написала: «Простите, я не понимаю ничего в Кавказе и в войне, но вот не сходится у меня картина. Уж если понимать, то давайте всех. Потому что того разделения на людей, надевших форму, и на мирных жителей в партизанской/народной/бандитской войне, нет. А коли так, то и мирных жителей тоже нет… Все правы и все хороши, и только страшные офицеры российские хуже людоедов, и вот, простите, не верю, упорно кажется оно мне полуправдой, страшной, несмягченной, но неполной и искажённой. Я буду ждать». И тогда рассказы Эльвиры Горюхиной Мариян завершила прямым обращением к ней: *«Эльвира… Вершины Кавказа ослепляют меня, чтобы я не видела раны, нанесенные ему сыновьями, алчными, жестокими убийцами, захмелевшими от человеческой крови и распутной свободы. Это моя боль и мой стыд.*

Эльвира…. Слушая шум горных рек, я не могу объяснить им, как матери Чечни спокойно проходили мимо зинданов, выстроенных их сыновьями. И я не могу объяснить, молоком каких матерей вскормлены те юноши в Дагестане, которые каждый день расстреливают своих братьев. Я не могу смотреть в глаза матерей, чьи сыновья одели их в черное. Это моя боль и мой стыд…

Когда на экранах государственных каналов день и ночь обожествляют телесность и разрушают национальный дух, не удивительно, что зло рождает зло в стране, забыв-

шей, что у нее есть великая культура, в стране, честь которой пока еще спасают учителя русской литературы. Эльвира, кто это остановит? Чья это боль и чей стыд?»

И Надежда из Москвы снова откликнулась: *«Мариян, теперь этот цикл и правда закончен. Потрясающей силы слова, к ним не надо ничего добавлять, а только молчать, чтобы их эхо слышать до боли в сердце».*

***

.

Как рождается первая строка? Откуда являются Вам сюжеты?– спросила я Мариян.

- Я еще ничего не знаю, когда сажусь за белый лист бумаги, но чувствую, как будто кто-то ждет меня. Такое ощущение, что вокруг моей головы собрались слова. Они живые. Они словно ждут первую строчку, и когда я беру верный тон, я чувствую их облегчение. А дальше стих идет сам.

В «Диалогах с Данте» каждое стихотворение начинается со строки самого Данте: «Скажи, в Романье мир ли война?», или «Где сын мой? Почему он не с тобой?», или «Зачем они несчастны, мой учитель?» Дальше они потянули за собой все стихотворения цикла.

Пиросмани- это мой потерянный кавказский рай. Тридцать лет назад я купила книгу о нем, и с тех пор ни разу не

взяла ее в руки. А сейчас начала читать и поняла, что время встречи с Пиросмани пришло. Мне уже было чем ему ответить. Этот одинокий, нищий человек создал свой красочный, радостный мир, которого сегодня так не хватает нам. Этот мир можно создать в себе самом. Он знал тоску и боль, но даже их раскрашивал в яркие цвета. Так появился цикл о Пиросмани. Я писала о том, как можно быть несчастным и счастливым одновременно: *«Истекает бурдюк хлебосольем и форель в серебре нежно тает, Кукурузной лепешкой луна заглянула в чужое окно. Маляра не искали, батоно? Солнце сходит в пустые ладони, Чтобы черное небо печали превратить в золотое руно».*

А вот цикл **«Камни моей родины»** сложился неожиданно. Там много стихов, написанных в разное время. Некоторые из них я никогда бы не решилась предложить читателю еще год назад. Это очень личные стихи. О моей старенькой маме, которую до сих пор мучают воспоминания о ее тяжелой жизни. «*Сегодня, когда она опять будет склоняться над венами, в которых после инсульта каждую ночь тромбо АСС разжижает стынущую кровь, над руками с раздувшимися суставами, которыми она на восьмом десятке лет пишет арабский алфавит детским падающим почерком, я знаю – в это время за ее спиной со склоненными головами будут стоять ангелы, которых становится все больше и больше. И я буду прятать от них глаза, потому что, выучив алфавит в пять лет, я не знаю ни их имен, ни своего*

прошлого, ни своего языка». О своем отце, трагически погибшем тридцать лет назад, *«который так и не понял, что ходить с кинжалом, носить черкеску и любить коней нельзя в двадцатом веке, что дух не должен быть таким жестким, поэтому дети не помнят его лица».* Теперь я не стесняюсь писать об этом, потому что эпос времени это и есть маленькая человеческая судьба. Я хочу услышать, как звучит в горах выражение «любовь к родине». Вслед мне смотрят старинные плиты кладбища, где покоятся прах великого ученого Муххамеда Убри и тени моих предков. И тогда стихи об этом сложились в цикл «Камни моей родины»

«*Я хочу быть маленьким камешком в ладонях твоих желаний, о моя усталая родина!*» - так скромно определила свою роль в поэзии Мариян Шейхова. А стала вровень с ней. А потом, словно усомнившись в своей надобности родине, она горько произнесла: *«Продано, продано, продано. Преданных просят уйти. Родина, родина, родина, Нет к тебе больше пути».* Но перо само отделило родину от тех, кто ею правит: «*Лекари, пастыри, лидеры… - сколько овец и братвы. Заказчики, скупщики, киллеры – «элита» несчастной страны*». Словно обуздывая громкость своего голоса, она произнесла: *«Звуки - мальчишество речи, горы не требуют слов».* А голос снова прорвался и завершил стих: «*Забвение речи – рабство, жизнь без памяти – пыль».*

И в этом есть великое таинство поэзии, когда пишущая рука только начинает первую строчку. Дальше ею водит уже

нечто, что объяснению не подлежит. Как сказал Александр Блок: «Поэт приходит, чтобы всему дать свое имя».

Сулиета Кусова

Николо Пиросмани
Пир вселенский

Медно-желтая земля трубным звуком в бой зовет -

Эркемали*, оглянись.

Цепь хозяина крепка, рог крутой по небу бьет -

Пой, Тифлис.

Бой баранов – пир вселенский, зуд в подпиленных рогах,

Откормили, опоили – барабаны выбьют страх

На лугу овечка бродит,

За собой ягненка водит,

Первой травкой машет высь:

Эркемали, оглянись

Черный глаз барана ярче алой удали толпы,

(Эркемали, отзовись!)

Бьются лбы, теснятся рьяно в дикой ярости мольбы

(Эркемали, сторонись!)

На арене – бой баранов, бьет хозяин чужака,

Цепь свободна для удара, кровь темней у вожака.

***

На лугу овечек в белом

Ночь упрятать не сумела.

У потехи – долгий час,

Время прячет красный глаз.

Спят пасхальные ягнята,

Ночь раскаяньем объята.

Бой баранов - гнет рогов,

Ночь и утро - кровь и кров,

Кров и кровь,

Старь и новь…

---

*Эркемали – трехлеток, бойцовый баран

Шамиръ са свего карауломъ

Горы снегом заковала хищной удалью клинка

Рука.

В клочья небо разорвали, в реки сбросив облака -

Века.

Взмах кинжала – пропасть в черном, кручи- каменным кольцом -

Гром.

Саблей горы рисовали, скалы высекли резцом -

Дом.

Две мечети с минаретом, полумесяцем – петля, трое в черном, в несогретом, в белом - тайна Шамиля, борода, папаха - чернью, тенью - ружья за спиной, над обрывом потемневшим караул стоит стеной. Там, поодаль, смутно тают крыши сакли, чтоб аул в тайной думе ожиданий над печалью снов

вздохнул. Миг раздумий в черно-белом, над обрывом ждет имам, горы тонут в светлом, в светлом, свет струится по горам. Лошадь движется по кругу, ждет приказа тишина. Жест короткий и упругий - черным двинулась война.

Тенью лица штриховали, шрамы вывели свинцом,

Камнем тени провожали, свет хранили чабрецом.

Небо – в белом, землю - в белом нарисуй опять, Нико,

Миг раздумий будет белым, как парное молоко.

Из-под белой перевязки каплет красная петля, к сапогам, от крови вязким, черной данью льнет земля, спи, могучий, белый витязь, воин, горец, спи, солдат, белым саваном прощанья дни прощения летят, обними, ушедший, память - нерожденное дитя, чтобы винной каплей славить долю скорбного питья.

Он только во сне золотистый

Он только во сне золотистый – три птицы кружатся над ним,

Трава изумрудным батистом скользит, словно сказочный грим.

Мой тезка, Жираф цветоносный,

Весь в пчелах, в занозистых осах -

Он только во сне золотистый – три птицы кружатся над ним.

А явь колыхалась травою и синью небес растеклась,

Волнистой, как воздух, тропою, забытой, как кроткая бязь.

Мой тезка, Жираф черно-белый,

Пятнисто-напуганным телом

Серпами зрачков оробело

Навстречу шагнул корабельно,

А явь колыхнулась травою
и синью небес растеклась.

А черное – было, и белое есть, и солнце мне больше не снится,

Послал мне художник далекую весть, простую, как платье из ситца,

И грация зверя качнулась углом,

И быть ему явью, и быть ему сном,

В изгибе хвоста улыбался питон,

И шейная боль обвивала винтом,

И в яблоке глаза дрожащий затон

Округло роняет ресничный бутон...

Нет у ответа вопросов. Здравствуй, Жираф золотистый,

Бархат спины пятнистой тронет рука моя – пристань

Яви и сна

Кисти.

Да здравствует хлебосольный человек

Да здравствует хлебосольный человек!

На скатерти его ожиданий

Соль вырастает до солнца.

Лучи погружаются в пену

Туманных волнений утра.

Кланяюсь новому дню.

Махаробели, махаробели,

Овцы с травинкой во рту оробели.

Алая лента, на черном - трава.

Да здравствует хлебосольный человек!

Олень на кончике взгляда

Испариной чует утро.

По обе стороны двери

Зияет белая скатерть.

В поклоне немеют уста.

Махаробели, махаробели,

Сердце овечки бьётся форелью.

Ручка кувшина тепла.

Здравствуй, хлебосольный человек!

Солонка на скатерти белой

Последнее слово знает.

Сына встречай и помни:

Вкус поменяют вИна.

Кланяйся новому дню.

Махаробели, махаробели,

Землю веселым напитком согрели.

Просят ладони хлеба.

Сладко ли быть травою

И, расстилаясь в вечность,

Встретиться с саблей ветра?

Чашей бездонного блюда

Небо дождинки кормит.

Ах, как хлеба всходили…

Махаробели, махаробели,

Горы под тяжестью снега осели,

Махаробели...

Махаробели - (груз.) вестник радости

Мимо белого духана

Мимо белого духана мчатся кони, как во сне,

Вечер в небе полыхает, словно ягода в вине,

И деревья озорные гнутся гибко, как лоза,

У кутил усы шальные и суровые глаза.

О чем споет им Маргарита, взлетая в белом над землей?

Что не случилось - то забыто, что было - хлынуло волной.

Прими блаженство неземное поляной белых роз к ногам,

Рисую красками, как жизнью, чтоб возвратить ее богам.

Блики желтого скольженья, взлет над зеленью холма,

Черным высится возница, в тень упрятаны дома.

У кутил серьезны лица - сердце держат на замке,

Руки вскинет Маргарита, словно птица, в кабаке.

О чем поет им Маргарита? Бровь полумесяцем летит,

Земля букетами укрыта, а кисть ласкает и горит...

Прощай, неведомый художник, луна взметнулась нотой «си»,

Шарманщик, горести виновник, у песни слова не проси.

…Мимо белого духана мчатся кони, как во сне,

Бредят руки кистью белой, красной плачут о вине...

Мрак подвала, пол холодный, груда битых кирпичей,

Вздох последний... крошку хлеба...никому... никто... ничей....

Янтарный шарик на запястье, и в стайке желтых птиц

- лицо,

У белых роз - права на счастье, у невозможности - кольцо.

Не пой о прошлом, Маргарита, в ладони пряча лепестки,

Душа прощению открыта, но нет спасенья от тоски...

Ты - самое большое чудо Божье

Кто-то скупил на корню пять садов целиком, пять садов -

От застенчивых роз до безумных камелий и лилий.

Над поверженной ночью селений, огнями больших городов

Он читает любимой стихи, он читает Бараташвили.

«Ты - самое большое чудо Божье»,

От ожерелий глаз светло, как днем.

Нет рук нежней, улыбки нет дороже,

Нет большего блаженства - быть вдвоем

Кто-то увидел навек - и повержен, повержен печалью,

Осторожные скрипки запнулись, и цветы эту песнь завершили.

Над Мтацминдой - горой голоса, как цикады, звучали -

Маргарита, послушай Нико: он читает Бараташвили.

«Ты - самое большое чудо Божье».

Как угадал поэт мои слова?

Я до утра не жизнь, а песню прожил,

Осталась на столетия молва.

Кто-то скупил на корню пять садов целиком, пять садов,

Лепестками смущенных камелий цветы о надежде молили.

Над молчанием спящих селений, огнями больших городов

Он читает любимой стихи, он читает Бараташвили.

«Ты - самое большое чудо Божье»,

Распахнут мир сиянью карих глаз,

Нет ничего любви земной дороже,

Нет никого вокруг счастливей нас.

Ты - самое большое чудо Божье...

Ты самое большое чудо Божье...

Ты самое большое чудо Божье...

Четыре лилии на черном

Четыре лилии на черном, на белом - женская рука,

Над бурой пашней дышит паром усталость спящего быка.

Спят ортачальские мадонны, и оголенных плеч тепло

Ягненком белым на колени вздремнувшей ночи прилегло.

Птица желтая в бубен бьет,

Осень сотая мед нальет.

Заходи в мой дом, Солнце красное,

На пиру моем небо ясное.

В мускатных гроздьях винограда тучнеет жертвенно река,

Алеет винный язычок над горловиной бурдюка,

И скатерть таинством травы легла под тени песнопений,

Лучи закатные запнулись о белоснежные колени.

Заходи в мой дом, Солнце красное,

На пиру моем небо ясное,

Дрогнет ночь от птиц

На плече моем,

Будем крылья шить

Мы с тобой вдвоем.

Прощаю - белым, красным - плачу, а желтым - рушатся века.

Четыре лилии на черном… Какая в зрелище тоска…

На небе - только небо в белом, на черном - почва и цветы,

И день доверчиво глядится в полет звенящей темноты

Птица желтая утро пьет,

Осень верная хмель нальет,

Дрогнет ночь от слов -

День расступится,

Я сорву покров -

Свет потупится.

Заходи в мой дом, Солнце красное,

На пиру моем небо ясное.

Я в три цвета люблю

Дай клеенку, тифлисский духанщик, - разбитая скрипка смешна.

За окном уплывает мой век, запряженный верблюжьей печалью.

Я в три цвета люблю и в три песни скучаю, княжна,

В ожиданьи холстов над слонами из охры дичаю.

Ах, духанщик с усами лихими, зачем тебе львы?

За порогом толпятся овечки в ожидании рук торопливых,

А орнамент белеет на пяльцах, а пальцы нежнее халвы…

О, простите, княжна, живописцев голодных и льстивых.

Черной костью пишу и зеленой землей, серой пылью от неба укроюсь,

Рог ветвистый на вывеске блекнет, а лаваш истончился, как нож.

У духанщика щепки в горсти - я со временем, пери, не ссорюсь,

И в три цвета кричу, да в три песни молчу, чтоб продать свое солнце за грош.

Я в застолье попал на века, виноград в Мирзаани янтарен.

Продавец моих дров над жирафом смеется - я рад,

Уплывает олень, князь поет над пирами развалин,

И пасхальный ягненок оплачет щедроты утрат.

О, простите мой дым.. этот старый мангал.. о, Нино,

Твои печи полны благодатного жара и тени…

Разве хлеб выпекают еще? .. разве льется вино?..

Разве есть еще миг, чтобы плакать в чужие колени…

Восхождение

Вереница белых звуков в рог охотничий трубит,

Тур в горах, лисица в поле, а в ладонях птица спит.

Восхождение дымится, рог ветвится до небес,

Между пнями бродит пьяно голубой, как утро, лес.

Дом без кровли, конь без сбруи,

Пой, Нико, и пей до дна,

Утро льет в ладони струи

Пенной прыти молока.

Ветерком трава играет, перекатываясь всласть,

Две косули в поле тают, воды сбрасывает снасть,

Бьет серебряная рыба воздух росписью хвоста,

По воде рыбак шагает, улыбаясь неспроста.

Ночь без дня, а день без ночи,

Пой, Нико, и пей до дна.

Краски с неба льются звонче

Алой повести вина.

Непричесанное солнце львенком нежится во сне,

Ломтик дыни прячет нежность у оленя на спине,

Сбросят краски покрывала, схвачен заяц синевой,

По отрогам Авлабара бродит мальчик сам не свой.

Дом без кровли, ночь без дома,

Пой, Нико, и пей до дна.

Жизнь - предсмертная истома,

Смерть - рожденье и судьба.

Прощание с оленем

Прохладу белого с синим ловит зигзаг коромысла,

Солнце распишет лучами сорванный с неба день.

Нет в оперении тайны, в тени нет спящего смысла,

Шею земных желаний к водам склоняет олень .

Снова кормилица в белом

Держит кулич пасхальный,

Вырос ягненок спелым

И уронил дыханье.

Копья охоты безглазой гриву травы догоняют,

Замер на линии слуха в небо летящий тур,

Лани недремлющим ухом русло реки укоряют,

Мальчик взмахнет хворостиной, желтым заплачет чонгур*.

Руку щщи на сердце,

Белым земля ответит.

Мальчик откроет дверцу,

Всадника встретят дети.

Выбежит пес навстречу, мальчик откроет калитку,

Черный пунктир дороги листает ржавчину сур.

Смотрит олень удивленно, как уплывает рыбка,

Млечным путем уходит в звездное поле тур.

Снова женщина в белом

Вскинет над полем руки,

Станет младенец телом,

Чтобы уйти от разлуки.

---

*Чонгур- струнный музыкальный инструмент

Возвращение Оленя

Щекой к щеке два персика на блюде, разгульный рог по кругу брызжет алым -

Я готов тебя пить, кахетинское солнце, плыви!

Освежающий дождь из зеленого лука, редиска - как связка кораллов,

И ликующий свет виноградных напевов в крови.

Вазиани, Мукузани, Цинандали,

Гурджаани, Мелаани, Мирзаани

А-я-я,

А-я-я,

ооооо

Бродит в марани вино.*

Чуреки полумесяцем на блюде, плывет хоралом рог, искрятся рыбы,

Кахетинские реки прольются в застолье дождем.

На ореховых листьях мацони, сулгуни, унаби* -

Вновь Саркиз наливает вино над победным, как охра, жнивьем.

Молочник, жестянщик и дворник,

Крестьянин, духанщик и шорник-

А-я-я,

А-я-я,

ооо

Лучший кутила – кинто.*

Баранина, припудренная перцем, под барбарисом празд-

нично дымится,

Щекочет ноздри воздух песнопений, мастеровые знают ремесло.

Назначим встречу на земле - плывут подносы вереницей,

В твои владения, художник, нас дивной кистью занесло.

Сапожник, угольщик, возница,

Маляр, лудильщик и певица -

А-я-я,

А-я-я

ооо

сытым не ходит никто.

***

Пирамида сыров в помидорной осаде, как столетье, гро-

зится распадом,

В кахетинские травы осенние листья летят.

Светлый угол в подвале сниму, а пока разделю солнце с братом,

Над щекастой тоской зурначей опьяненные птицы кружат.

У лисицы - нора и у птицы - гнездо,

У косули - родник, у Тифлиса - Нико.

Грациозно верблюды бубенцами звенят,

Мясники на майдане обнимают ягнят.

Истекает бурдюк хлебосольем и форель в серебре нежно тонет,

Кукурузной лепешкой луна заглянула в чужое окно.

Маляра не искали, батоно? Солнце сходит в пустые ладони,

Чтобы черное небо печали превратить в золотое руно.

Онемели уста и глаза широко распахнулись,

Над вершинами гор на прогулку выходит Олень.

Донна Анна права - пусть всегда возвращается Улисс,

Ибо к ночи навстречу спускается день,

Ибо белым хранит трава одолень,

Ибо сходятся руки за тостом в кругу,

Ибо белое утро в ночи стерегу,

Ибо озеро спит на росистой траве,

Ибо песня моя о тебе, о тебе…

—

Марани – (груз.) - винохранилище

Унаби - плод наподобие фиников

Кинто- бродячий торговец, балагур, остряк

Выступление Нико Пиросмани на заседании Общества художников Тбилиси 1916г

Братья!

Построим дом деревянный,

в сердце города – дом без затей.

В нем большой самовар - от веселия пьяный

и счастливый от новых гостей -

на столе будет жаром дышать, горячиться,

а вокруг – лишь друзья, лишь любимые лица.

Пусть за чаем горячим поведает каждый,

как от красок вокруг обезумел однажды.

Об искусстве вести разговоры – услада…

О чем я? ..

.....

Простите...

.....

Кому это надо?

...Да, да...

Пропустите,

братья...

Камни моей родины

Каменный триптих
Есть ли кто здесь?..

Тишина оседает на крышах,

глиной першит между стен и струится песчаной тоской.

Молчаливая весть

поднимается выше и выше

и ищет свой камень, чтоб вымолить вечный покой.

Пчелиные соты в засохшем меду

на ветру рассыпаются пылью -

это сакли лепные дремлют в ладонях вершин.

Эге-ге-гей!.. Есть ли кто здесь? ..

Только скалы клубятся былью,

Да травами лечит ветер морщины глубоких лощин…
***

Здесь хлеб с чабрецом не пекут и дым не горчит над селом,

Убринские жены кувшин к роднику не поднимут на плечи.

В пахучие травы коровы не ткнутся шершавым теплом,

И вечер не выйдет навстречу отарам овечьим

Под говор реки и напевы родной лакской речи.

Был ли кто здесь?..
Постаревшая нежность, затаенная в камне, стынет в горсти,

на губах запорошенной пылью последний горчит поцелуй.

Примет ли высь запоздалое слово «прости»,

когда скорбь переполнит молчанье святой Вацилу,

чтоб отчаянье дней провести бороздой по лицу?..

Будет ли кто?..
***

Звуки - мальчишество речи,

горы не требуют слов,

здесь говорящий увечен,

как конь без подков.

Звуки - воинство речи,

молодость древних слов -

памятью раны лечат

и возвращают кров.

Материнское слово,

здравствуй!

Живи, отцовская быль.

Забвение речи - рабство,

Жизнь без памяти - пыль.

_____

* ВацилУ- священная гора в Лакском районе Дагестана

Аулов лакских имена...

Аулов лакских имена стучатся памятью былинной,

В них жажда выси и огня и мука доблести старинной:

Кази-КумУх, АхАр, БалхАр, ХосрЕх, ХанАр и ХурукрА,

ЧуртАх, ВиртАх и КамахАл, ТухчАр, ХайхИ и Хулисма...

УбрА...

В них эхо верного собрата и гордый зов через века,

И хрип предсмертного заката, сталь амузгинского клинка,

КатрУх, ХурхИ, БухцанахИ, Убра, КубрА и СухиЯх,

ЛахИр, ВихлИ и ХанахИ, УрИ, ЧуртАх и ГамиЯх...

Убра…

И древней стойкостью развалин, и гордой вздыбленностью гор

Звучат названья перекличкой судьбе людской наперекор:

ШалИ, ШовкрА, ШунИ, ЩарА, БуршИ, ЦущАр и ШушиЯ,

ЩаднИ, ЦийшА и КарашА, КацрАн, КуцИ и ШахувА,

Убра...

О, исчезающие звезды, святые россыпи камней,

О, родников звенящих грезы и жажда брошенных коней!

Мольба несдавшихся развалин, самостояние корней-

Их имена – благословенье и зов летящих журавлей -

КанИ, КукнИ, КурклИ, КурлА,

ЧукнА, ЧарА, УллучарА,

Убра…

Это твое Макондо

Не пашет раб землю, за плугом не ходит, не сеет,

По воловьим следам тоскует в полях чернозем.

Бурый день, как отшельник, по оврагам дымится и тлеет,

И ущелья с тоскою глядятся в небесный проем.

На крыше мама с кувшином

День с молоком взбивала,

Желтое масло в лощины

Густо стекало.

В спину толкает ветер, тминной обидой веет,

На подошвах крестьянских ног уносим останки земли,

Станут ладони мягче и души чуть-чуть слабее,

Чтобы не слышать, как в поле ищут зерно ковыли

Мама в хлеву пахучем

Корову травой кормила -

Чабрец на зеленой круче

Не знает ила.

Старый Сурхай за оградой землю костями греет.

Кладкой речного камня сакля глядится в Койсу*.

Это твое Макондо в чреве у времени зреет,

Чтобы кормить тобою памяти пыль и тоску.

Посохом были тропы

И колыбелью горы,

Ты не услышишь ропот -

Камни укроют поле.

_____

*Койсу - горная река в Дагестане

Камни моей родины
Разбросанные там, где нет запретов,

как вы счастливы возможностью

смотреть вверх

и видеть бесконечность щедрого неба.

Это единственное место, куда вы не можете упасть.

Ваше молчание

может высекать искры,

когда вас сталкивают лбами.

Хранимые в ладонях, чтобы ударить после ощущения тепла

и вынимаемые из-за пазухи на холод,

почему так часто падаете к ногам

удивленного человека?

Настигая его бьющееся сердце

или попадая между его лопатками,

почему не занимаете освободившееся место,

уступая его сквозному ветру,

не оставляющему щелей

там, где нет корней?

Приникая ребром к груде своих собратьев

или храня одиночество в пустыне

чужих желаний,

умеющие всегда оставаться собой

и ценить свободу ожидания,

почему вы строите крепости

для тех, кто рушит дома?

Умеющие быть такими маленькими,

чтобы умещаться на ладонях человека,

превратившего мое сердце в развалины замка,

почему храните его право

бросать вас в спину моей любви,

строящей новые замки

на песке, никогда не знавшем

вашей тяжести?

Ваше молчание

напоминает мне надгробные плиты

на старинных кладбищах лакцев,

оставивших мне в наследство

искусство резьбы на клинописи ветра,

искусство насечки на серебре стали,

и тайну слезы, запертой в темнице глазниц,

слезы, знающей единственный способ увидеть этот мир,-

разделить с вами возможность смотреть вверх

и видеть бесконечность щедрого неба.

Это единственный способ не упасть.

Я хочу быть маленьким камешком

в ладонях твоих желаний,

о, моя усталая родина!

Прощайте, вчерашние братья

Прощайте, вчерашние братья!

Легка ли была дорога?

Чабрец придорожной ратью

Приник к пустоте порога.

О чем ночью птицы пели,

И кто их теперь встречает?

В Убра пусты колыбели,

Лишь ветер траву качает.

Ночь гложет слоистые скалы

Над кладом руин и камней,

Старинные плиты устало

Встречают остывших гостей.

Их лбы холодны, как стража,

И путь стерегут ветра.

Для родины смерть не кража -

Последний поклон Убра.

Убра

Черепки родной речи в ущелье Убра собирала,

на тминных кустах поскользнулась,

за чабрец ухватилась рукой.

Всего-то - трава,

над обрывом в горах удержала.

... Я с тех пор потеряла покой.

На этом высохло перо

«На этом высохло перо»- старинный акт закроет тяжбу.

Арабской вязью крепит предок времен тончайшие пласты.

Неторопливость слов старейших, седая стать кавказских кряжей

Смирили распри навсегда меж Шангода и меж Бухты.

Чеканно ввысь уходит след завета:

«Во имя милосердия Аллаха, -

Что сотворил на тесноту - свой выход,

На каждый труд- забвенье и покой,

В присутствии Мухаммада, Салмана и Исхака

Скрепляем силу Слова на столетья,

Провозглашаем общее владение дорОгой

И закрываем рознь своей строкой.

Да будет мир по воле Сурхай-хана!

Я, Усманбаг, Хаджимахмуда сын,

Скрепляю мир согласием сторон,

Веленьем сердца и порукой брата.

Храни, Всевышний, каждое село!»

Заветы предков - как строка Корана,

Как семя в ранах свежей борозды.

Звучи в горах, незыблемый Закон,

Стучи в сердца, как точка невозврата:

«На этом высохло перо».

Договор общины селения Убра

И рукопись Мухаммада Убри,

И кладбище, заброшенное в небо

Громадой гор, хранящих зов зари,

И быль веков, отправленная в небыль, -

Спят в узловатых думах воскресенья,

Чтобы сберечь былое от забвенья

И передать потомкам джамаата*

Свободного Убра его адаты

С отвагой друга и любовью брата:

«Да сохранит Всевышний от раздоров обитель предков – гордый дух Убра!

Чтоб защитить селенье от поборов, от козней хана и его раба,

Долг каждого убринца – встать стеной. И если он убьет врага иль ранит -

Ответит джамаат перед бедой. Кто договор не выполнит, обманет,

И с поля брани спрячет свое тело - тот в пользу общества отдаст быка.

Пусть доблесть всех равняет в общем деле. Кто договор отринет свысока,

И сдаст быка без боя, добровольно - того лишить на годы, на века

Полей и пастбища за слабость своеволья, имущества. – Пусть будет жизнь легка

Тому, кто крепость единенья счел тяжестью перед землей Убра.

Да сохранит Всевышний от сомнений в делах защиты правды и добра».

***

Мой дальний предок дерзость проверял

Высоким помыслом и равенством ответа.

Ныне

Хранит Убра, уснувшее в руинах,

Кладбищенское воинство камней.

Нет ближе неба, нет земли родней, -

Напомнят нам старинные заветы.

---

* джамаат - вольное общество крестьян-горцев

Договор общины квартала Цувади

В тот год в аулах правила чума

И ханские пиры лились бедой.

Чтоб мир не поглотили брань и тьма,

Скрепляя бремя жизни чередой,

В Кази-Кумухе собралась община

Квартала Цувади.

И было решено в кругу мужчин,

Единством братьев преданных свободе,

Хранить свой дом и с думой о народе

Презреть пиры тщеславия тиранов.

Так на страницах мудрого Корана,

Венчая Слово, за свой дом в ответе,

На вечное хранение в мечети

Оставили потомкам соглашенье

Старейшины,

Презрев поклон прошений:

«И будет так: Во имя милосердия Аллаха,

До окончанья смертных в судный день,

До воскрешенья каждого из праха -

Не будет хан свирепствовать. Уздень,

Свободный хлебопашец, каждый горец

Уздой закона сдержат хищный нрав:

Коль ханские рабы иль царедворец

Дух воли оскорбят, на наш квартал напав,

Иль одному из нас обиду нанесут,

Тесня общину вольных цувадинцев,

То будет скорым праведный наш суд:

За смерть обидчика из ханского двора

Вознаградит заступника община:

Из каждой сакли, что, как мир, стара,

Или бедна, как тусклые лощины,

Где теплится едва иль пылко бьется

Святое пламя крова, очага,

Получит он аббаси - счетом десять, а коль прольется

Из раны кровь у ханского раба -

Заступнику платить одной монетой.

Так каждый дом становится залогом

Защиты всех и каждого. К ответу

Так будет призван тот, кто не заплатит долга:

«Велением кумухцев и общины

Дом должника принадлежит отныне

Заступнику». Да будет так в веках.

Скрепили Слово именем Аллаха

Мухxамед, сын Ахмеда,

Нажа, сын Шейх-Ахмада,

Мудун Хасан – хаджи, Юсупа сын,

Сын Ибрагима – Абидин,

Чинтур-Омар, Гуду-Шахбан –наследники Маммы,

И сын Муртаза – Мухаммед-Мирза,

И сын Хаджи – Мусы – достойнейший Иса

В год,

Когда в аулах правила чума,

Когда беда спустилась на постой -

В год тысяча шестьсот шестьдесят шестой».

_____

* аббаси- золотая монета

Я в Кумухе полоненным не был

Ночь и день –

как оборотни неба,

В карауле –

оцепленья гор,

Я в Кумухе

полоненным не был,

А теперь крадусь,

как беглый вор

Рано, еще рано,

В окнах нет огня.

Одичало раны

Рвут покровы дня

Ночь в чадре,

и всадники незрячи,

Гончий Пес

вгрызается во тьму,

Ветер с моря,

как гонец горячий,

Вестью по ущелью

полоснул.

Поздно, уже поздно,

Где мой спящий дом?

Тишиной беззвездной

Стыну за окном

Звук гортанный

призовет к исходу,

Вздрогнет мать,

над четками склонясь.

Пей, земля,

постылую свободу, -

Кровью, как водой,

она клялась.

Льется, мама, льется,

На порог заря.

Хрипло утро бьется

В окна декабря

Мне еще немного-

ночь открыла дверь

За чертой порога –

череда потерь.

Я в Кумухе не был

вечность или день?

Был горяч, как пепел,

обратился в тень.

Бьется, мама, бьется

Рана, как зверек,

Сын еще вернется,

Сын еще вернется,

Сын еще вернется…

Старцы

Старцы!

Быки, потерявшие поле,

Дом украдут.

Старцы!

Ночи, спящие вволю,

Свет не найдут.

Старцы,

Четыре стороны света-

На дне…

Юноши в поле!

На ноги встаньте,

Руки по локоть в грязи.

Хлебом и солью

Старцев встречайте -

Небо ищите вблизи.

Юноши в небе!

Ласточка плачет-

Двери открыты

Дню.

Юноши в небе!

Путь только начат,

Души доверьте

Огню.

Ласточка в доме!

Океан

просит ладью умереть.

Ласточка в небе

Тоже тонет

Чтобы приветствовать

Смерть

Лодочник в море!

Горизонт

Имя просит твое.

Лодочник в море

Тоже тонет,

Чтобы взлететь

Легко.

О, уходящий!

Скошено поле.

Не обвиняй покой.

Посох - не птица.

Вкуси от пшеницы.

Старцы ждут за рекой.

И позади,

И впереди

Найдешь ли отца своего?..

Выше

На каменных трезубцах Турчи-Дага струится сок гранатовых рассветов,

Упругий день взбирается по кручам, чтобы спустить с вершины облака.

Как вечность молода, когда в порывах ветра

Бурьяном стелет путь, бесплотна и легка!

Парит орел, страж высоты извечный, кружит скала под куполом полета,

Ведет тропа нехоженой печалью, и горы ждут над пастбищем времен.

Как вечность молода, когда в плену дремоты

Роняет лепестки на насыпи имен!

Фиалковые тропы поднебесья тревожат синь обманчивого моря,

Разбиты волны трав о прихоти камней.

Как вечность молода, день с ночью тайно ссоря

И посылая в небо журавлей!

В ладонях гнезда вьют доверчивые чувства,

И ласточки срываются с руки.

Как вечность хороша, как время льется густо,

Храня любовь, забвенью вопреки...

Сбор винограда в Дербенте

Платан над старой чайханой в ладонях вытирает солнце,

Сбор винограда, как манок, для кутежа под звук зурны.

В садах качаются гранаты, чтобы в щедротах расколоться,

Хурма оранжево смеется, орехи звонко озорны.

День в изобилии неспешном пиры осенние встречает,

Дербент старинные кварталы перебирает, как меха.

О вавилонское смешенье, где каждый Богу отвечает!

Все реже звук родных наречий, и жизнь, как сон, давно

тиха

ХанУм, джанЫм, атА, апА, рахат-лукУм, перИ, эбЕль, -

ДадА, гелИн, …

ФатИма, ЛЕйла, Гюльбохор, СевИль, НаргИз, МаргО, ГюзЕль,

Джун-ме, жалИн.

Керим, ИсА, ФуАд, САфАр, НикО, КарЭн и СоломОн,

МанОлис, Яша, Алексей…

Дербент …

...Тоска разбросанных ветвей.

Над виноградником корзины плывут, как дичь на шомполах,

А воронцовские подвалы вином заполнены, как встарь,

Где твои гости издалёка, чтоб петь о море и горах?

Где сыновей твоих потомки? Что носят нынче на алтарь?

Уют еврейского квартала и пахлава персидских песен,

Лезгинских ритмов барабаны, день - полноводная река…

Мир без дудука с балалайкой в Дербенте горестен и тесен,

И без собратьев свет - не в радость, пиры пусты без кунака

Ханум, джаным, ата, апа, рахат-лукум, пери, эбель, -

СалИма, Ева, КаринЭ, ФарИда, Соня, Изабель,

Саид, Муса, Фарух, Арсен, ШахИн, Шамиль и ШалумИ,

Георгий, Рома, Арамис,

Сергей...

Дербент…

...Сады и горести корней…

Ата, дада- уважительное обращение к старшему мужчине в дагестанских языках

Апа- уважительное обращение к старшей женщине в тюркских языках

Эбель- обращение к матери в аварском языке

Гелин, жалин - обращение к невестке в дагестанских языках

Джун-ме – обращение в татском языке («душа моя»)

Ты ищешь царевну Будур?

Ты ищешь царевну Будур - а иначе зачем эта крепость?*

Древний город Дербент за стеною спускается к морю.

Жаркий день растекается зноем, и смягчая свирепость

Отшумевших веков, хором звонких цикад время тешит и нежится вволю.

Я, наверное, пленница тоже. Крепостная стена бесконечна.

Вязь старинных магалов** уводит к кладбищенской воле.

Сквозь бойницы стены смотрит море легко и беспечно.

Словно нет потаенных глубин, словно вОды не ведают соли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.